Глава 2: Новый мир.

— Я… я… сперматозоид?

Мгновение спустя, внимательно изучив формы других змей, он убедился, что его догадка верна…

Это была гонка, гонка сперматозоидов, чтобы слиться с яйцеклеткой! Джонатан чувствовал врожденную потребность добраться до яйцеклетки и слиться с эмбрионом. Он усилием воли попытался подплыть поближе как можно быстрее. Чтобы родиться, ему нужно было быстрее всех достичь цели! Конкуренция была жесткой, и несколько змей покрупнее уже опередили его.

— Я буду первым!

Мысленно воскликнул он.

Внезапно он увидел ослепительный белый свет.

— Да, я почти на месте!

Радостно подумал он и ускорился.

Джонатан видел свет повсюду вокруг себя. Он не знал, был ли он на фронте или нет, но это не имело значения. Гонка все еще продолжалась, и победителем становился тот, кто первым атаковал яйцеклетку. Однако через некоторое время он почувствовал замешательство.

— Где яйцеклетка?! Что происходит?

Осознание поразило Джонатана:

— НЕТ! Я просто потраченный впустую сперматозоид. Что теперь со мной будет? Ах…

Он почувствовал, как его сознание снова изменилось. Он стал еще одним сперматозоидом.

****

Поражение, полное поражение. Так много гонок, но он не выиграл ни в одной из них. Довольно скоро он понял, что это была не гонка на скорость, а гонка на удачу. Но, к сожалению, ему просто не повезло.

До сих пор только однажды ему повезло и он встретил яйцеклетку. Конечно, теперь он уже не был сперматозоидом того мохнатого молодого человека-наркомана. Нет, этот дегенерат не смог бы найти девушку...

Внезапно сознание Джонатана снова изменилось после того, как он не смог родиться. Девушка, возможно, употребила какое-то средство против беременности. Он просто умер и снова проклял свою судьбу.

Он никогда не думал, что этот день "НАСТУПИТ", но...

— Я искренне сочувствую всем вам, маленьким белым змеям. Такая жестокая конкуренция, что даже азиаты съежились бы от страха. Так много переменных... Воистину, рождение ребенка — это не что иное, как чудо!

Из-за этого он впал в депрессию, вспомнив о своем собственном нерожденном сыне. Единственное, что сейчас меняло ситуацию, так это то, что он чувствовал то же, что, вероятно, чувствовал его сын. Джонатан не знал, что именно благодаря своей полной форме души он мог чувствовать и видеть вещи. Ни один другой сперматозоид там не был похож на него.

— Неужели я навсегда застряну в этом цикле?

Он задумался и вздохнул. Внезапно он почувствовал голод.

Однако, что еще можно было есть и употреблять в пищу, кроме других змей? Поэтому он пошел за ними, пытаясь ассимилироваться с ними. Для него этот процесс был инстинктивным. Поскольку у других змей не было собственной воли, он был подобен титану в деревне людей, пожирая их.

Свист!

Когда он съел больше половины из них, началась еще одна гонка.

— Ах, черт, опять началось!

Он лениво позволил себя обсосать. Из-за того, что он всегда пожирал других змей, он сам превратился в одного большого, коренастого мальчика. Так что было трудно передвигаться быстро.

— Похоже, мне нужно сесть на диету.

Подумал он, слишком привыкший к этой новой беспорядочной жизни. Но, будучи бывшим агентом ЦРУ, он знал, что, когда жизнь дает тебе лимоны, ты выжимаешь их в глаза своему врагу и получаешь информацию. Следовательно, импровизируйте, приспосабливайтесь и преодолевайте.

Поп!

— Что это был за звук? Подождите... БОЖЕ! Я наконец-то понял... Спаривание с яйцеклеткой!

Он огляделся вокруг. Он находился в какой-то замкнутой сфере. Вскоре после этого он полностью потерял сознание.

Когда он снова очнулся, то почувствовал свои конечности, и его радости не было предела.

— Значит ли это, что мне пора выходить? Отлично, давайте начнем брыкаться!

Собрав все свои силы, он начал бить ногами, кулаками и головой, чтобы заставить женщину, которая держала его, понять, что пришло время вытащить его. Он слышал какие-то приглушенные голоса снаружи, но не понимал языка.

В конце концов, он увидел свет в конце пещеры. Ах, его страданиям скоро придет конец после стольких лет, проведенных в роли жирной змеи.

— ПОДОЖДИТЕ! Что, если я девушка? Нет, нет... Этого не может быть...

Он знал, что в некоторых религиях существует концепция бесполой души. Так значит ли это, что душа может случайно стать девочкой и мальчиком?

Сейчас он не мог чувствовать свою маленькую микропудочку; в этих сырных шариках не было ни грамма соли, чтобы пробудить дракона. Только время могло сказать, девочкой или мальчиком он родился. Вскоре он почувствовал, что его вытолкнули, и женщина делала все, что могла, пока окружающие стены сжимались.

Однако прошло некоторое время, а Джонатан все еще находился в утробе матери. Женщина выглядела усталой. Должно быть, что-то случилось, подумал он. Затем следующее, что он осознал, это то, что его с силой вытаскивают, и в этот момент он понял.

— Ах, я не могу дышать. НЕТ!

Его вывели силой, и пуповина была обвязана вокруг его шеи. Это душило его, останавливая приток крови к мозгу. Вот так, в очередной раз, его попытка провалилась. В тот момент, когда он вышел, первое и последнее, что он увидел, была женщина, одетая в какую-то средневековую одежду акушерки. Он был в панике, так как его лицо посинело.

Затем жизнь медленно покинула его крошечное тело, во 2-й раз с момента его первой смерти. Он задавался вопросом, была ли это его судьба или это была ненависть Бога.

****

Неизвестное время спустя Джонатан снова стал змеей.

Он продолжал пожирать других змей и оставил всякую надежду родиться заново. Но, кажется, люди правильно говорят: трижды — это прекрасно.

Даже не пытаясь, он снова оказался в утробе матери. Он слышал голоса снаружи. Он ничего не понял, но голос женщины звучал так, словно она пела колыбельные.

Прошел месяц, а он ни разу не пнул и не ударил женщину. Довольно скоро этот день настал. Это было бы либо его вступлением в новую жизнь, либо еще одной кончиной.

Он чувствовал себя слизью, когда стены сжимались, выталкиваемые наружу. Воздух медленно пронесся мимо его почти лысой головы, давая ему надежду, что это может быть оно. Затем его голова полностью высунулась наружу, а за ней и все остальное тело.

Прежде чем он осознал это, его окровавленное тело было выставлено на всеобщее обозрение. Его переполняли радость и волнение. Никому не нужно было похлопывать его по спине; он сам кричал:

— Да, да... Я РОДИЛСЯ!

Старая акушерка собиралась шлепнуть его по ягодицам, чтобы он заплакал, но была удивлена. Ребенок издавал странные звуки и казался веселым, его голос звучал как бессмысленные тарабарские крики. Она была ошеломлена и быстро завернула его в полотенце. Вымыв его, она передала большого мальчика усталой женщине на кровати.

— Поздравляю, Ксавия, у тебя родился сын, веселый и сильный. Ты уже придумала имя?

Джонатан перестал радоваться и попытался шире открыть глаза, чтобы увидеть женщину, которая держала его. В отличие от других детей, он мог ясно видеть, и его зрение не было разделено надвое. Джонатан не знал почему, и ему не хотелось проклинать это благословение.

Женщина, которая обнимала его, просто загипнотизировала его. Сказать, что она была хорошенькой, было бы преуменьшением. Очарование зрелости было видно на ее лице. У нее были большие очаровательные голубые глаза. Ее бледное покрасневшее лицо все еще было потным, и пряди темно-рыжих волос упали ей на лицо.

Широкая улыбка была приклеена к ее лицу, полному бесчисленных эмоций, готовых выплеснуться наружу. Она обняла его и молча заплакала. Затем, через некоторое время, она успокоилась и чмокнула его в лоб.

— Я знаю как его назову... Сильвестр, Сильвестр Максимилиан.

— Какое замечательное имя, Ксавия. Ах!... Мне пора идти. Еще две женщины должны родить в деревне! Кто-нибудь будет здесь, чтобы помочь тебе после того, как я уйду. Я оставила все зелья и травы для твоего здорового выздоровления; принимай их вовремя.

Старая повитуха погладила Ксавию по голове и вышла из маленького деревянного домика.

Оставшись одна, Ксавия уставилась на своего ребенка, который тоже смотрел на нее. Она снова поцеловала его в лоб.

— Золотой ирис? Странно, даже у твоего отца этого не было, но у тебя такие же волосы и красивое лицо. Мой прекрасный сын.

Для Джонатана все, что она говорила, не имело смысла. Он не понимал языка, и все, что он мог сделать, это попытаться прочитать выражение ее лица. Однако он почувствовал странный теплый и сладкий запах.

В животе у него заурчало.

— Ах, я проголодался. Но... Я не хочу плакать.

Он попытался заговорить:

— Юная леди, где моя еда?

Ксавию позабавили тарабарщинные звуки, издаваемые ее сыном. Но ее инстинкты помогли.

— Да... Мне нужно тебя покормить.

Она приподняла блузку и обнажила одну грудь. Ему было странно проходить через это. Затем сосок оказался у него во рту, и его голод взял верх. Он молча пил материнское молоко. Будучи новорожденным, его энергия была крайне ограничена, поэтому его веки опускались, когда он питался материнской едой.

Джонатан все еще пытался открыть глаза. Он мог чувствовать ее эмоции, чтобы защитить его. Это было трогательно. Он тихо выдохнул, успокаиваясь.

— Я не знаю твоего имени, юная леди. Биологически ты моя мать. Мысленно я уже пожилой человек. Возможно, у меня нет той невинности, которую ты ожидала от своего ребенка, но я благодарю тебя за твою тяжелую работу. Каждая капля, которую ты скормишь, будет моим долгом, и я постараюсь вернуть его, когда придет время.

Затем он начал зевать. Вскоре после этого женщина тоже заснула, держа на руках своего маленького сына. На улице было холодно, но им было тепло вместе.

****

Прошло три дня с тех пор, как он родился в этом странном мире. Его глаза были широко открыты, и, судя по тому, как выглядело место, в котором он жил, он мог видеть, что семья была бедной. Однако до сих пор он видел только свою мать. Где был отец?

Джонатан, теперь Сильвестр, огляделся. В доме была только кровать, камин и небольшая гостиная зона. Одежда, посуда и мебель говорили ему, что он находится в менее технологически развитом мире.

Камин постоянно горел, отчего в маленьком доме, похожем на хижину, было тепло. Но в течение последних двух дней он видел свою мать только тогда, когда она кормила его, и ночью, он предположил, что это было связано с работой.

Язык был ему совершенно неизвестен, что ясно говорило о том, что это не Земля. Он был так уверен, потому что, как оперативнику ЦРУ, было важно знать, по крайней мере, как звучали разные языки в его прошлой жизни.

Он пытался понять, сосредоточившись на том, что говорила его мать. Понимать глаголы, существительные и основы грамматики. На данный момент он знал свое имя только потому, что она называла его Максом.

Дверь со скрипом отворилась, и вошла его мать, выглядевшая, как всегда, усталой. Она вздохнула, но приободрилась, когда ее взгляд остановился на сыне. Затем, подбежав к нему, она схватила его на руки и крепко обняла.

— Мой Макс, ты мой единственный источник тепла в этой жизни!

Сильвестр чувствовал себя слегка мягким в своем крошечном теле. Эта женщина любила его просто за то, что он существовал, без каких-либо других условий. Конечно, она напоминала ему Диану, но по-другому. Подняв свои мягкие сливовые руки, он погладил ее по лицу.

— М-мм…

Он попытался заговорить, но его голосовой аппарат еще не был полностью развит. Но скорость, с которой он рос, была поразительной.

— Черт возьми, я могу это сделать.

Он приложил все свои усилия, чтобы позвать ее:

— Мммм… мам… МА-МА-А!

Это было так, как если бы упало небо. Он почувствовал, как у женщины участилось сердцебиение. Затем, наконец, она выпустила его из объятий и посмотрела на его лицо, ее глаза наполнились слезами:

— Ты… ты… ты просто назвал меня мамой?

Он не знал, что она сказала, но его гипотеза была верна.

— Как всегда, независимо от того, на каком языке и, в данном случае, в мире — Мама всегда означает Мать.

Она снова обняла его, на этот раз гораздо крепче. Сильвестр молча положил голову ей на грудь и заснул. Он знал, что совсем не похож на обычного ребенка, но каким бы сильным он ни был, произносить слова в таком раннем возрасте было утомительно.

http://tl.rulate.ru/book/74672/3569354